

*С искренней благодарностью
Д. А. Малкину, врачу-психиатру, к.м.н.,
за советы и поддержку*

десять лет назад

Во сне ты не спишь.

Во сне ты живёшь.

Проживаешь то, чего хотел или, наоборот, от чего бежал со всех ног — мечты и кошмары, то, чего желаешь обрести всей душой или надеешься никогда не испытать. В той части жизни, которая называется реальностью. В той, что за пределами сна, в той, в которой ты считаешь, что осознаёшь происходящее вокруг. И даже немного управляешь происходящим.

А ещё во сне ты видишь себя таким, каким не хотел бы видеть — без маски, и остро ощущаешь все переживаемые чувства, даже постыдные, те, которые прячешь или отвергаешь в реальности. Во сне ты лишаешься привычной защиты и становишься необыкновенно искренним, как в детстве. Во сне ты такой, какой есть, и многих из нас это пугает.

Возможно, и тебя...

Но ты не можешь ничего изменить, не можешь покинуть сон — только проснуться; не можешь стать сторонним наблюдателем, не можешь смотреть свою историю, как кино, потому что каким бы странным или страшным ни был сон, ты — его обязательная, гармоничная часть. Самая важная часть, поскольку без тебя сей мир не существует. Без тебя та часть жизни, что называется сном, рассыпается на бессмысленные фрагменты. И быстро исчезает.

Сон — это идеальный авторский мир. Без тебя его нет.

Но иногда бывает так, что Создатель сна умирает в нём. В своём уникальном авторском мире. Умирает в той части жизни, которую называют нереальной. Сердце продолжает стучать, кровь — течь по жилам, дыхание не исчезает, он продолжает лежать на кровати, но там, внутри сна, Создатель авторского мира только что умер.

С тобой такое было?

Или ты успеваешь проснуться? За мгновение до того, как осознавал свою смерть — во сне. Почти все успевают, поскольку, даже пребывая в нереальности, мы инстинктивно выбираем жизнь. Таков закон. Даже в нереальности мы не хотим переживать то, что однажды произойдёт. И чувствуя, что вот-вот умрём, вскрикиваем, просыпаемся. И поднимаемся с кровати, чтобы попить воды. И снова ложимся, надеясь, что кошмар не вернётся. Никогда. И он не возвращается. Почти никогда. Кошмар исчезает, оставив после себя лишь короткий шлейф — дурное настроение, что развеется к середине дня. Иногда, очень редко, скомканное воспоминание о том, что было. Но иногда. Кошмар остаётся в прошлом, потому что ты успел проснуться.

А если нет?

Если инстинкты дали сбой и ты не успел? Если в точности увидел свою смерть и даже почувствовал её? Там, в нереальности. Потом проснулся в ужасе, мечтая лишь о том, чтобы этот кошмар рассеялся, как остальные, но мечтам не суждено сбыться. Закон оказался нарушен, другие возможные миры теряют смысл — даже во сне, ведь авторские миры способны создавать только живые. И к тебе вновь и вновь возвращается тот сон, в котором ты умер. Возвращается, как старый пёс на кладбище, не понимающий, зачем хозяин спрятался под этот крест? И ты раз за разом смотришь, как умер. Наблюдаешь со стороны. Проживаешь изнутри. Раз за разом погружаешься в свой собственный авторский мир, который раз за разом заставляет тебя проходить через смерть. Через твою смерть. Заставляет переживать её с такими точными и яркими подробностями, что тебе не кажется, что ты её переживаешь. Тебе кажется, что ты её умираешь. Раз за разом. Без возможности отогнать старого пса. Без возможности проснуться, когда проснуться необходимо. Зная о своей смерти всё.

Что происходит, если ты не успел вовремя проснуться?

Жив ли ты, если умер в авторском мире? Или смерть по-настоящему приходит даже там, в нереальности, и обращает дальнейшее существование в агонию? В отчаянную и безнадежную попытку изменить то, что изменить невозможно? И следующие видения уже не сны, а воспоминания?

Воспоминания мертвеца.

Воспоминания о том, как всё закончилось: пусть во сне, но навсегда. Воспоминания из того отрезка жизни, который мы называем нереальным. И невозможно понять, это уже случилось? Здесь, в реальности. Или только произойдёт? И невозможно понять, что есть реальность, если отчётливо помнишь, как опускаешься ниже мягких, едва заметных волн. Тёплых, морских, очень солёных волн, в которых так приятно нежиться, лёжа на спине и глядя в ясное небо... по которым так приятно плавать, весело отфыркиваясь, когда волна ударяет в лицо... которые игриво накрывают тебя с головой... и предлагают остаться с ними... поиграть подольше... предлагают ненавязчиво, но держат крепко. И вскоре ты понимаешь, что невозможно вырваться из их тёплых, необыкновенно приятных объятий. В которых так уютно и покойно...

Ты понимаешь, но всё равно пытаешься.

У тебя не получается. В этом авторском мире ты почему-то не способен сопротивляться, не можешь взмахнуть руками с достаточной силой, не можешь оттолкнуться ногами, вылететь на поверхность и задыхаться, с неистовой жадностью глотая весь воздух мира. Настоящего мира. Ты не знаешь, почему не способен. Ты умеешь плавать, но не здесь. Ты силен и уверен в себе, но не здесь. Ты понимаешь, что нужно дышать, но сейчас дышать — непозволительная роскошь. В этом мире.

Реальном или нет?

Грудь разрывает, но ты не можешь ничего поделать.

Волны кувуркаются над головой, ты видишь яркий свет мира, в котором дышать не роскошь, а обыденность, но не можешь ничего поделать. Не можешь преодолеть сантиметры, отделяющие тебя от всего воздуха мира. И тебя накрывает предсмертная беспомощность, как волны — с головой. Ты ещё не сдался, но уже знаешь, что не победишь. Надо бороться, но опускаются руки. Тебя убивает мир, созданный тобой, твой собственный мир. Который ты не в состоянии превозмочь. Ты в ловушке невообразимо реальной нереальности и кричишь, глядя на проплывающих людей. Проплывающих над твоей головой. Таких близких людей. Таких да-

лёких. Наслаждающихся тёплыми волнами и не знающих, что ты умираешь. Ты кричишь, но крик никто не слышит.

Вода уже внутри.

И предсмертная беспомощность сменяется предсмертным ужасом. А страх убивает быстрее воды, быстрее клинка, быстрее огня — быстрее всего на свете. Ты понимаешь, что чуда не случится и силы не появятся. Ты не выплывешь, потому что вода внутри. А до волн, которые над головой, уже метры. Ты опускаешься всё ниже и ниже, объятия воды больше не приятны, они рвут тебя изнутри, но это не важно. Теперь не важно. Ты видишь себя со стороны, с открытым ртом, выпученными глазами и поднимающимися вверх волосами, и переживаешь странную смесь чувств: ужас, отвращение, сожаление и грусть. Ты не хочешь видеть себя. Ты понимаешь, что никогда не увидишь ничего более важного, поэтому смотришь во все глаза. На себя. Боясь пропустить хоть мгновение.

Смотришь на себя.

Смотришь до тех пор, пока не опускаешься на дно, устраиваясь меж камней. Смотришь, как возвращаются распуганные рыбы и начинают рассматривать тебя так, как рассматриваешь себя ты. Смотришь на своё лицо и не узнаешь его. Ты знаешь, что это ты, но не узнаёшь. Ты стал другим.

Ты стал мёртвым.

И только тогда ты просыпаешься.

От дикого ужаса.

От ощущения, что всё действительно случилось.

Просыпаешься в кровати, в тысячах километрах от тёплого моря, просыпаешься с криком. И кричишь до тех пор, пока не понимаешь, что лёгкие не заполнены водой. Иначе ты не смог бы кричать. Даже во сне. А ты кричишь до тех пор, пока не понимаешь, что можешь кричать. Что можешь дышать.

Можешь...

И это не роскошь — это обыденность.

Ты жадно дышишь до тех пор, пока сердце не перестает колотиться, потом переворачиваешься на спину и смотришь в потолок. Ты уже знаешь, что смерть была сном, но дыхание твоё до сих пор не совсем спокойно. Тебя потряхивает и чув-

ства пребывают в смятении. Тебе страшно, как никогда раньше, страшно даже сейчас, когда ты знаешь, что всё это было сном. И ещё ты знаешь, что так страшно тебе никогда больше не будет — потому что всё уже случилось. Потому что пережить такое можно только раз — в мельчайших деталях, со всеми подробностями.

Смерть.

Теперь ты знаешь, каково это. Но ещё не знаешь, что сон будет возвращаться — воспоминаниями мертвеца. Смерть будет приходить множество раз.

И тем сводить тебя с ума.

17 февраля, пятница

— Таким образом, дело раскрыто, и если вы рисуете на фюзеляже звёздочки, то сейчас самое время доставать бабочку с краской. — Амир Анзоров рассмеялся и потёр ладони. — С вами приятно работать.

— Спасибо. — Вербин кивнул и улыбнулся.

Феликсу нравилось, что у следователя хорошее настроение, однако сам он прыгать от радости не собирался. Доволен? Да. Убийство раскрыто, доказательства собраны железобетонные, ни один адвокат преступнику не поможет. Дополнительный приятный бонус — понадобилась всего неделя, не так быстро, как в кино, но всё равно неплохо. Судя по радости Анзорова, Следственный комитет, во всяком случае в его лице, выражает полнейшее удовлетворение. С этим делом всё закончилось.

Для полицейских.

А тридцатипятилетний Феликс Вербин был именно полицейским — майором, старшим оперуполномоченным по особо важным делам, и в последнее время — после дела Кровососа — ему частенько доводилось работать с Анзоровым. Как пошутил начальник Вербина, подполковник Шиповник: «Вы друг к другу притёрлись, вот и крутитесь дальше, как карданный вал с редуктором». Они и крутились. Стали говорить друг другу «ты», хотя, как подметил Феликс, других оперов, даже «важняков», Анзоров по-прежнему держал на расстоянии «вы». Стали вроде доверять друг другу... ну, насколько это возможно между следователем и опером. Семьями не дружили — её у Вербина не было. А была бы — не факт, что стали бы дружить. С другой стороны, кто знает? Анзоров явно выделял и Вербина, и Шиповника, и, если была возможность, сам приезжал на Петровку. Только вот в сегодняшнем его появлении смысла не было. О том, что убийца дал признательные по-

казания, опера знали, а похвалить их следователь мог и по телефону. Но Анзоров приехал. А значит, как поняли полицейские, ему что-то было нужно, и судя по тому, что просьба до сих пор не была произнесена, речь шла об услуге. Возможно, о личной. А поскольку с такими просьбами следователю обращаться ещё не доводилось, он несколько смущался. Полицейские, в свою очередь, навязываться не собирались. Отношения у них, конечно, хорошие, но первым должен сказать тот, кому надо, поэтому молчали, не помогали перевести разговор на другую тему. Анзоров правила знал, но мялся. И мялся до тех пор, пока начальник отдела не решил, что времени на смущённого следователя потрачено достаточно.

— На этом, как я понимаю, всё? — Тон, которым Шиповник произнёс фразу, чётко показывал, что от подполковника не ускользнули владеющие следователем сомнения, и он предлагает не морочить занятым людям голову, а откровенно рассказать, чего ему ещё нужно.

Анзоров намёк уловил, всё-таки не первый день знакомы, но не удержался от шутки:

— Заметно?

— Амир, ты правильно сделал, что не пошёл учиться на актёра. — Некоторое время назад Шиповник как-то незаметно и очень естественно стал говорить Анзорову «ты». Следователь не возразил, но сам остался с подполковником на «вы». Которое иногда звучало как «ты». Но именно иногда — Анзоров чётко дал понять, что уважает возраст и опыт Шиповника.

— Егор Петрович, давайте не будем переходить на личности. Потому что хороший следователь должен уметь играть. — И хмыкнул, разглядывая полицейских, не сговариваясь изобразивших на лицах скептическое выражение: — Я знал, что на эту реплику вы отреагируете именно так.

— Не верю, — качнул головой Шиповник. И посмотрел на подчинённых: — А вы?

— Мы тут младшие по званию, — сообщил капитан Кольванов, самый молодой участник совещания. — Так что будем помалкивать.

Вербин улыбкой поддержал напарника и едва заметно поднял брови, показывая Анзорову, что шутки шутками, но намёк на то, что у людей полно дел, всё ещё актуален.

— Мне нужна небольшая услуга...

— Что-то потерял и нужно найти? — Кольванову показалось, что фраза прозвучит смешно, но он ошибся, поймал на себе недоуменные взгляды коллег, пробормотал: «Извините», — и надолго замолчал.

— В одном округе странная ситуация возникла, — продолжил Анзоров, глядя подполковнику в глаза. — Хочу, чтобы опытный человек посмотрел, что к чему, и решил, нужно там упираться или нет?

— Что за ситуация? — поинтересовался Шиповник.

Но поинтересовался подполковник негромко, следовательно вопрос не расслышал и закончил:

— И я думаю, дело вам понравится. Правда, оно пока не открыто, доследственная идёт... И это один из моментов, который нужно прояснить: есть ли там дело? Потому что местные упорно твердят, что нет.

— То есть, дела нет, но ты уверен, что оно нам понравится? — уточнил Шиповник.

— Ну, может, не вам, Егор Петрович, но Феликсу — точно.

— Всем нравится, когда выясняется, что дела нет, — подал голос Вербин. — Особенно — следователям.

— Ты не такой как все, тебе нравятся запутанные дела.

— У меня настолько плохая репутация? — пошутил Феликс.

— У тебя прекрасная репутация, — серьёзно и без лести произнёс Анзоров. — Кстати, знакомые из «конторы» о тебе лестно отзываются. Работу не предлагали?

— Видимо, забыли.

— Кто его отпустит? — проворчал Шиповник и покосился на Феликса: — А ты не зазнавайся, потому что если зазнаешься — я сам тебя выгоню.

— Прямо на улицу?

— Прямо на улицу и даже босиком.

— Нельзя причинять подчинённым такие страдания.

— Некоторым — можно. — Подполковник повернулся к следователю: — Так в чём проблема?

— Есть ли там проблема, а точнее — дело, вы мне скажете, — повторил Анзоров. — А тема такая. Пару дней назад в запертой квартире обнаружили тело молодой девушки. Двадцать два года. В квартире полный порядок, следы борьбы и насилия отсутствуют. Девушка полулежала на неразобранной кровати в расслабленной позе. Рядом — пустой шприц, на котором только её отпечатки.

— Передоз? — угрюмо спросил Шиповник.

— По всем признакам.

— Токсикологии ещё не было? — понял Вербин.

— Предварительный вывод — передоз, все признаки в полный рост. Но мы с вами понимаем, что токсикология покажет передоз независимо от того, убийство там или самоубийство.

— Ну да, — согласился Феликс. — И следов борьбы нет...

— Нет.

— То есть оснований для подозрений никаких? — вздохнул Колыванов.

— Никаких, — подтвердил Анзоров.

— Девчонка кололась?

— Нет, законопослушный и даже примерный член общества, без каких-либо житейских неприятностей и уж тем более — проблем с законом. Участковому в поле зрения не попадалась. — Следователь выдержал короткую паузу: — По всем признакам — самоубийство, но местный опер не соглашается.

— На каком основании? — спросил Колыванов.

— Если девочка была хорошей, то опер мог зацепиться за сто десятую*, — прикинул Шиповник.

— Проверяем, но по первым результатам тоже мимо.

— Тогда почему опер брыкается?

— Он молодой, — ответил следователь так, словно это всё объясняло.

С другой стороны, это действительно всё объясняло.

* УК РФ Статья 110. Доведение до самоубийства. Доведение лица до самоубийства или до покушения на самоубийство путём угроз, жестокого обращения или систематического унижения человеческого достоинства.